



ЗАСЛОН



Литрес

Осложнение

Анастасия Трыканова

Анастасия Трыканова

Осложнение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69277930

SelfPub; 2023

Аннотация

Будущее человечества под угрозой? Таким вопросом задались учёные во время ядерной зимы, случившейся после окончания Третьей мировой войны, и создали новый вид человекоподобного существа. Только... Какая участь уготована новой форме жизни? Не станет ли она оружием в новой войне людей?

Анастасия Трыканова

Осложнение

Выдержка из статьи журнала «Искушение» от 45 дня 316 года от ядерной зимы:

«Homo artificialis» – ошибка природы или ещё один шаг к Богу?

Споры о законности существования данного вида homo не утекают вот уже полстолетия, но пик, пожалуй, пришёлся на 315 год от ядерной зимы, когда официальный представитель Правительства Объединенного союза Подземных городов заявил, что они не намерены отменять статью 32 Всеобщего закона о праве казнить артифициалисов (или как их ещё называют: «арцефы») за убийства сапиенсов и кражи в крупных размерах (в каких именно суммах выражается этот крупный размер не указано ни в одном пояснительном документе ко Всеобщему закону).

Последней каплей в деле о "нелюдях" принято считать заявление директора АО «ЗАСЛОН» Леонида Гордиенко о начале экспериментов над зародышами артифициалисов под руководством всем известного профессора Шаровского.

...

Я считаю, что бесчеловечное отношение Правительства

к этим беднякам является корнем всех зол, а жестокость учёных и мирного населения неоправданно умалчивается среди моих коллег.

Но, увидим, какое место в истории человечества займут арцефы, а какое мы сами».

I

Профессор Шаровский стоял почти вплотную к двустороннему стеклу, отделявшего его от просторной и светлой комнаты, в которой за пластмассовыми столиками сидели дети и переписывали в свои тетради с большого экрана сложный алгебраический пример. Профессор с рассеянной задумчивостью всматривался в лицо то одного, то другого ребёнка, так, что на его и без того морщинистом лбу обозначились глубокие складки. Дети не могли видеть и слышать его, поэтому профессор, не понижая голоса, то и дело обращался к сидящим напротив стекла студентам-биологам. Они старательно записывали в блокноты то, что им говорил профессор Шаровский, не решаясь бросить и взгляда на то, что находилось по ту сторону стекла, но всё же находились и такие, кто бросал на детей любопытные взгляды.

– Эта экспериментальная группа намного успешнее справляется с математическими примерами, нежели предыдущая. С помощью усовершенствования методики преподавания нашим учёным удалось выработать универсальную программу подготовки. В этот раз произошли изменения в

учебной программе: помимо прежнего набора дисциплин мы сделали упор на физику и химию. Большая часть предметов из прошлой программы была убрана, так что появилось достаточно времени на технические дисциплины, а также на физическую подготовку, которой мы в своих ранних экспериментах незаслуженно пренебрегали, в результате чего у многих образцов наблюдалась дистрофия мышц, – голос профессора тягучий, словно мёд, медленно заполнял пространство лаборатории для наблюдения за подопытными. Кроме звуков голоса тишину лаборатории разбавлял только еле слышный скрежет ручек о бумагу.

– На решение данного тригонометрического примера в среднем обычному взрослому человеку понадобится около десяти минут. Подопытным же достаточно двух-трех, – профессор, сверившись со своими массивными наручными часами, посмотрел на студентов, опустивших головы в блокноты. Профессор, закатив глаза, легко постучал по стеклу костяшкой указательного пальца. Редкие лица стали появляться в безликой массе белых шапочек и халатов. – Как вы видите, они закончили почти одновременно и терпеливо ждут следующего задания, чётко следуя заданному им алгоритму работы. Такого послушания нам удалось добиться благодаря упору на воспитание дисциплины и самоконтроля. Контакт с людьми и между собой сведён до минимума, телесный контакт запрещён вовсе, благодаря этому нам удалось достичь блестящего успеха. Образцы совершенно не испы-

тывают эмоциональной привязанности к членам своей группы и к профессорам, они остаются независимыми ни от кого и ни от чего. Но при этом они не проявляют агрессии и не стремятся противостоять сложившемуся порядку вещей, как это случилось у нас ранее.

Лица студентов слились для профессора в одну вытянутую удивленную бледную маску с выпученными глазами и открытым ртом. Он устало потёр переносицу и продолжил:

– Сейчас у них пятиминутный перерыв, после чего образцы перейдут к заданиям из раздела геометрии. Обратите внимание на то, что несмотря на отсутствие заданий, образцы не двигаются с места, не пытаются контактировать друг с другом. Это поразительный результат, нам никогда ещё не удавалось подавить любопытство и общительность в экземплярах такого раннего возраста. Конечно же, это результат непрерывной совместной работы наших профессоров и психологов, с недавнего времени вступивших в нашу команду на равных, а не в качестве приглашенных специалистов.

Студенты снова зашуршали ручками, пользуясь случаем, чтобы оторвать взгляд от неподвижно сидящих подопытных. Профессор же наоборот неотрывно взирал на своё «творение». Удачно проходящие эксперименты вызывали в нём чувство полного удовлетворения, в такие моменты он любил свою работу. Однако сейчас Шаровский чувствовал только глубокую, застарелую усталость, которая свинцом наливалась в его плечах и ногах. Ему захотелось сесть, но для этого

необходимо было закончить лекцию и отправить студентов на экскурсию по АО «ЗАСЛОН», переложив их на младших сотрудников. Но в последнее время профессор и так часто отказывался от обязательной части своей работы, заключающейся в агитации новых талантов из медицинского университета примкнуть к команде АО «ЗАСЛОН», поэтому отказать директору в проведении сегодняшней лекции профессор Шаровский не имел возможности, так как это могло отразиться на дальнейшем инвестировании в его новый проект. Поэтому скрепя зубы, он продолжил:

– Но то, что данные образцы получились более успешными, не приближает нас к окончательному идеальному варианту искусственно выращенного человека. Работа в АО «ЗАСЛОН» не угасает ни на мгновение, поэтому мы всегда нуждаемся в новых сотрудниках. Нам нужны новые идеи и новые, не захламленные рутинной работой умы, – профессор Шаровский окинул тяжелым взглядом студентов, те, как он и ожидал, выглядели воодушевленными.

«Молодёжь. Вечно рвётся в самое пекло». Профессор глубоко вздохнул, приготовившись к самой трудной части лекции:

– Есть вопросы?

Руки взметнулись вверх, столько, что профессор не смог сосчитать их сразу. Голову обручем стянула пульсирующая боль.

Шаровский начал было искать глазами, кого бы ему вы-

брать для начала, но его прервал писк, исходящий от открывающейся двери. Профессор с трудом сдержал вздох облегчения.

Бесчисленное множество голов в белых шапочках обернулось к источнику раздражающего слух звука и тут же, как грибы после дождя, начали вскакивать со своих мест. В двери стоял высокий тучный мужчина, он, согнувшись, перешёл через порог, а за ним вошёл юноша, казавшийся ребёнком по сравнению со своим гигантским спутником.

– Здравствуйте, директор, чем обязан столь неожиданным визитом? – профессор Шаровский приблизился к вошедшим, протягивая руку директору АО «ЗАСЛОН», а затем и его сопровождающему, которого профессор принял за нового ассистента директора, так как прежде он этого молодого человека не встречал.

– Решил проверить, как обстоят дела с образцами перед тем, как их отправят на распределение, – директор расплылся в улыбке, похлопав огромной ладонью профессора Шаровского по плечу, отчего у того перехватило дыхание. – Слышал, что вам удалось достичь больших успехов в этот раз, поэтому я не мог не взглянуть на них.

Профессор Шаровский выдал дежурную улыбку, указывая рукой директору, Леониду Гордиенко, на стекло, которое отделяло их от подопытных.

Гордиенко, улыбаясь словно ребенок, блестящими глазами смотрел на арцефов.

– Ну что за чудо эти дети! Они же выглядят почти как наши, настоящие! Встретил бы их на улице ни за что бы не отличил, – Гордиенко громко захохотал, профессор с трудом выдавил улыбку: директор всегда начинал свой осмотр именно с этой фразы.

– Да, ведь они телом почти ничем от нас не отличаются, разница между нами только в духовной составляющей, что можно заметить по отсутствующему взгляду арцефов.

Но Гордиенко не слушал профессора, о чём тот прекрасно знал. Директор неотрывно смотрел на неподвижно сидящих арцефов и чему-то улыбался. Он не мог спокойно устоять на месте, его длинные ноги подрагивали от какого-то внутреннего возбуждения, руки директор то и дело порывисто поднимал и опускал, пытаясь впихнуть их в узкие карманы штанов. Профессор Шаровский никогда не видел его в таком состоянии и теперь с интересом ожидал дальнейших действий директора, но тот не спешил приступить к только ему одному известной цели визита.

Устав ждать, мучаясь от головной боли, которая снова начала пульсировать в левом виске, профессор Шаровский решил нарушить гнетущее его молчание:

– Я, перед тем как вы вошли, рассказывал студентам о нашем новом эксперименте. Эта идея пришла в голову моему ученику, профессору Семенову, он всегда был довольно смышленным парнем. Но, признаюсь честно, поначалу мне это совсем не понравилось, я считал это довольно безнрав-

ственным и бесчеловечным поступком, однако Семенов сумел убедить меня в необходимости его исполнения. И, хочу сказать, результат приятно удивил всю команду, в том числе и меня. Когда...

– Да, да, я прекрасно знаю эту часть, так как читал ваш доклад, – Гордиенко нетерпеливо замахал рукой, прерывая профессора. – Он заинтриговал меня, и я с нетерпением ожидал окончания работы. Но, как видите, не утерпел, – директор наклонился к профессору поближе, зашептал ему:

– Проведите меня к ним, мне бы хотелось посмотреть поближе.

Профессор Шаровский недоуменно посмотрел на Гордиенко:

– Но вы же знаете, что все контакты с людьми запрещены, уменьшены до необходимого минимума. Мы входим в помещения арцефов только в случае крайней необходимости и только в специальных костюмах, закрывающих тело и лицо. После того инцидента... Да и вообще...

– И это всё я тоже прекрасно знаю, – снова перебил директор, положив массивную ладонь на плечо профессора. – Но вы поймите, такие масштабные нововведения в нашем предприятии не проводились с самого его основания, и я не могу отпустить этих «детюшек» на распределение, не познакомившись с ними лично.

– Ваш интерес мне понятен, но я не могу, потакая вашим прихотям, нарушать ход эксперимента. Даже несмотря

на то, что вы являетесь директором предприятия, – Шаровский был неприятно удивлен просьбой директора и совершенно не понимал такой заинтересованности в эксперименте. Обычно директор проявлял сдержанный интерес, не выходя за рамки стандартных вопросов, необходимых для Правительства и Совета директоров, чтобы они в срок и необходимых количествах предоставляли финансирование.

– Не думаю, что пять минут свидания с ними сломает всю вашу систему воспитания, – последнее слово директор произнёс с кривой усмешкой. – Я прошу всего о пяти минутах, не более.

Директор исподлобья смотрел на профессора, и тому ничего другого не оставалось, как нехотя поддаться той силе, которая будто волнами исходила от мощной фигуры Гордиенко. Шаровский медленно кивнул, мысленно презирая себя за слабость.

Гордиенко, убедившись в согласии профессора, развернулся спиной к стеклу и уперся взглядом в толпу студентов, скопившихся у противоположной стены. Профессор удивлённо посмотрел на них, совсем забыв о том, что они всё это время были здесь.

– Друзья. Вынужден огорчить вас, но лекцию придётся прервать. Прошу вас всех покинуть это помещение, в коридоре вас будет ожидать ассистент профессора Шаровского, который непременно ответит на все ваши вопросы и проведёт обзорную экскурсию по предприятию.

Студенты молча уставились на директора, нерешительно теребя в руках блокноты.

– Вы можете идти, – громче повторил Гордиенко. Группа белых халатов сначала неторопливо, а затем, ускоряя темп, выползла из лаборатории. Директор не спускал с них взгляда до тех пор, пока за студентами не задвинулась дверь.

– Ну что ж, а теперь приступим к самому интересному, – директор довольно потёр руки. Профессор Шаровский, страдальчески скривив лицо, мысленно дал себе указания после допросить своего ассистента Игоря Степного, который сейчас должен был быть на другом конце города, на конференции, и который каким-то странным образом оказался в данное мгновение за дверью. Такие неожиданные действия ассистента сбили профессора с толку, и он не сразу понял вопросительного взгляда, брошенного на него директором.

– Вы не хотели бы открыть мне дверь? – Гордиенко, подняв густые темные брови, вопросительно смотрел на профессора.

– Да, да, конечно, – проговорил Шаровский, шаря по карманам в поисках магнитного ключа. Он им практически никогда не пользовался, но всегда носил с собой на всякий случай. – Но мне кажется, вам необходимы защитные костюмы, я распоряжусь...

– Не стоит, – громче, чем требовалось, произнёс директор. – Я думаю, пять минут общения с человеком им не повредит, вам не о чем беспокоиться.

Шаровский хотел снова возразить, но боль в голове смешала его мысли, и он согласно кивнул Гордиенко против собственной воли. Директор, широко улыбнувшись, двинулся к двери.

– Ну что, профессор Шаровский, открывайте.

Шаровский на дрожащих ногах подошёл к двери, и та с писком открылась от прикосновения магнитного ключа. Гордиенко нырнул внутрь комнаты, скрывшись из виду профессора, тот хотел было двинуться за ним, но его остановило лёгкое покашливание за спиной.

– Простите, могу я присоединиться к вам? – профессор, обернувшись, удивленно уставился на юношу, о котором совершенно забыл. Молодой человек словно растворился в лаборатории после того, как вошёл в неё. – Директор, как видите, не дал мне чёткого ответа, так что, решение за вами.

Утомленный профессор Шаровский уже не видел причин для отказа и покорно кивнул, пропуская ассистента в комнату с арцефами. Тот не стал ждать повторного приглашения и уверенно прошёл внутрь.

Шаровский, потеряв костяшками пальцев висок, судорожно вздохнул, провёл влажной рукой по лицу и вошёл следом за незваными гостями.

«Вот ведь незадача...» – успел подумать он, пока дверь за ним медленно закрывалась.

Первой реакцией арцефов был испуг. Директор Гордиенко заметил, как те вздрогнули от неожиданности, закрипели стулья, но никто не покинул своего места. Арцефы просто безмолвно смотрели расширенными от удивления глазами на вошедших.

«Удивительная покорность. А эти психологи не сидели сложа руки», – Гордиенко, словно ребенок в магазине игрушек, не знал на чём остановить свой взгляд. Эти арцефы были настолько не похожи друг на друга внешне, но по выражению лица, позе можно было сказать, что они будто родные братья и сестры. Гордиенко насчитал двадцать арцефов: 15 образцов мужского пола и 5 женского, судя по отчёту профессора Шаровского, всем экземплярам было около 13 лет.

– Мне казалось, профессор, что группы делятся по половому признаку поровну. Здесь кого-то не хватает? – когда директор начал говорить, двадцать пар глаз устремились на него, но при упоминании имени профессора, арцефы перекинули взгляды на Шаровского и уже не отрывали их, с интересом глядя на маленького человечка с кислым лицом.

– Специфика этого эксперимента состояла в изменении генома, женские особи не доживали до извлечения их из сосуда, либо претерпевали физические изменения, теряя внешнюю схожесть с людьми. Из нескольких десятков образцов нам удалось только пять довести до уровня мужских особей, – профессор Шаровский старался говорить тише, но первые ряды наверняка слышали каждое его слово, хотя и не

подавали вида.

– Очень интересно, профессор, значит, вы потратили на свой эксперимент больше ресурсов, нежели вам выделяло Правительство. Как неуважительно с вашей стороны так расточительно относиться к собственности нашего дорогого государства, – Гордиенко, оторвав взгляд от арцефов, ехидно посмотрел на профессора, тонкие губы директора растянулись в иронической усмешке. Шаровского передёрнуло, он прекрасно знал, что эксперимент был слишком затратным и бессмысленным с точки зрения применения на практике, но желание попробовать было сильнее здравого смысла. В ожидании выговора от Правительства, профессор провёл несколько лет, но Правительство оставило без внимания эту ситуацию, словно забыв о количестве образцов и денег, пущенных в никуда. Шаровский, удостоверившись в своей безнаказанности, сам также не поднимал в отчётах вопросов необходимости создания данной партии арцефов, но сейчас, когда директор вновь затронул эту тему, профессор почувствовал, как по его спине поползли холодные мурашки.

– Но не переживайте, я здесь, чтобы решить все ваши проблемы, – Гордиенко взмахнул своими длинными руками, при этом ряд арцефов, сидящих ближе к нему, настороженно отшатнулся, но вскоре образцы приняли прежнее положение. – Всё что от вас требуется, это показать мне на что они способны, только и всего.

Профессор непонимающе уставился на директора, не от-

вечая на его слова и ожидая продолжения. Гордиенко, в свою очередь, также молчал, высказав всё, что занимало его в данный момент.

– Я думаю, нам стоит начать сейчас, времени не так уж и много, – профессор вздрогнул от неожиданности и стал вертеть головой в поисках говорившего. Он снова забыл про ассистента директора, который как невидимка растворялся в окружающем пространстве. Гордиенко не был сбит с толку внезапным появлением мужчины, а только с широкой улыбкой, обнажившей неестественно белые зубы, взглянул на него.

– Вы правы, Александр, времени слишком мало, чтобы тратить его на пустые разговоры. Приступим к демонстрации! – Гордиенко с радостным нетерпением посмотрел на профессора, который совершенно не понимал, что конкретно директор подразумевает под словом «демонстрация», однако осмелился сказать:

– Конечно, как скажете. Я покажу вам один экземпляр, думаю, этого будет вполне достаточно.

Профессор перевёл свой взгляд с горящих глаз директора на сидящих перед ним арцефов в поисках того, кого можно было представить Гордиенко. Он остановил свой выбор на образце мужского пола, который сидел прямо перед ним. На табличке, прикрепленной к темно-синей форме, значилось имя – Гефест. Арцеф смотрел на него, не отрывая своих темно-карих глаз, но взгляд был пустым, словно тот смот-

рел сквозь профессора. Шаровского передернуло от неприятного ощущения, как и всегда, когда он смотрел на арцефов слишком близко. Чувство чего-то скользкого и холодного распространилось по спине, шее и отозвалось болью в виске.

– Гефест, подойди ко мне.

Гефест быстро встал из-за стола и уверенно приблизился к профессору, остановившись в шаге от него. Мальчик был невысокого роста, худощавый, с неестественно прямой для человека спиной, но Шаровскому показалось, что арцеф смотрит на него сверху вниз, несмотря на разницу в росте. Поспешив избавиться от всей этой некомфортной для него ситуации, профессор откашлялся и повернулся к Гордиенко. Тот с интересом смотрел на Гефеста, с нетерпением перенося взгляд на профессора.

– Ну что, приступим к демонстрации ваших образцов? – Гордиенко энергично потёр ладони. – Я хочу увидеть, насколько они нечувствительны к боли.

Профессор Шаровский от неожиданности открыл рот и пару мгновений хлопал им как рыба, выброшенная на берег. Теперь до него дошло, чего именно хотел директор.

– Да, конечно. Мне только необходим острый предмет, – профессор, похлопывая себя по карманам халата и брюк, искал необходимое, не осознавая, что ничего подобного у него с собой нет.

– Острый предмет? Это подойдёт? – Александр протянул

Шаровскому пластиковый кислотно-красный канцелярский нож.

Профессор непонимающе уставился на молодого человека, он почувствовал, как внутри у него закипает ярость, неожиданная даже для него самого.

– Вам разве не говорили, что острые предметы с собой в лабораторию проносить строго запрещено? И...

– Да, да, профессор, мы прекрасно знаем правила. Но разве не здорово, что у Александра так удачно этот нож оказался? – Гордиенко похлопал профессора по плечу, мягко подталкивая его к протянутому ножу. Шаровский нерешительно взял его и подошёл к Гефесту. Профессор не стал настаивать на своём, решив поскорее закончить это дело и выпить, наконец, обезболивающее.

– Гефест, протяни мне, пожалуйста, руку.

– Правую или левую, профессор? – мальчик вопросительно посмотрел на Шаровского, но голос его был ровный, словно безжизненный. Профессор смешался и по началу не понял вопроса, но опомнившись, попросил мальчика протянуть левую.

Гефест без колебаний протянул левую руку вперёд, так, что она почти касалась халата профессора. Шаровский своей дрожащей, потной от волнения рукой взял маленькую сухую ладошку мальчика и не глядя на него стал вонзать ему в руку канцелярский нож. На темный бетонный пол закапала кровь, но Гефест, даже не моргнув, продолжал смотреть профессо-

ру в лицо холодными глазами.

Проделав небольшой надрез на ладони мальчика, профессор вынул нож из плоти и провел по нему краем белоснежного халата, вытирая остатки крови. Гефест же, не глядя на порез, опустил руку, с которой продолжала медленно стекать кровь.

– Обратись к медсестре, она забинтует тебе руку, – мальчик кивнул и двинулся к стене, противоположной двери, ведущей в лабораторию, в которой было маленькое окошко. Он постучал в него и дверь, находящаяся рядом, тихо отворилась, Гефест скрылся за ней.

– Поразительно, профессор, неужели он совсем ничего не почувствовал? – Гордиенко с открытым ртом смотрел в ту сторону, куда скрылся мальчик. – Он ведь даже не шелохнулся, даже мускул на руке не дрогнул!

– Все образцы не чувствуют боли, совершенно, – профессор не стал ходить вокруг да около, решив закончить всё побыстрее. – Будь-то боль зубная или из-за пореза или перелома, – им совершенно всё равно. Полное отсутствие болевых ощущений.

– Ха, изумительно! – директор неожиданно взмахнул рукой, закидывая её за голову, взъерошивая густые темные волосы. – Это ведь даже лучше, чем мы предполагали! Они идеально подходят!

Профессор недоумевающе посмотрел на Гордиенко, но тот словно не замечая его, двинулся к неподвижно сидящим

арцефам, которые всё это время молча и отрешенно наблюдали за происходящим.

– Вам будет предоставлен прекрасный шанс послужить на благо нашей любимой родины. Это честь не только для вас, ребята, но и для любого настоящего человека, так что вы сможете гордиться собой, когда дело будет закончено. Этот молодой человек, Александр Зайцев, – он указал рукой на своего худощавого сопровождающего, тот легко кивнул головой в качестве приветствия, – из Военного министерства, которому требуются такие как вы: бесстрашные и талантливые детишки, которые смогут помочь отстоять наши интересы на мировой арене.

– Пойдите, директор, о чём вы говорите? При чём тут военные и министры? Разве распределением арцефов не занимается только Правительство? Объясните мне, что здесь происходит?

– Не волнуйтесь так, профессор. Правительство поручило распределение этой партии Военному министерству. Я, в свою очередь, увидев, что образцы соответствуют всем нашим ожиданиям, спешу вас обрадовать, – директор улыбался как ребенок, каждое своё слово, сопровождая резкими взмахами рук и постоянным повышением голоса. – Эти ребятки станут нашим ключом к новой жизни, к лучшей жизни. Я вас поздравляю, профессор, – господин Гордиенко энергично потряс обмякшую руку профессора. – Вы так долго и усердно работали, чтобы прийти к этой счастливой для

всех нас минуте.

– Но... – профессор пытался как-то сопротивляться подавляющей силе директора, но резкая боль в голове лишила его сил, да и Гордиенко не принимал во внимание жалких попыток Шаровского, продолжая держать его руку и с горящими глазами рассказывать о преимуществах такого решения Правительства.

– Вы только представьте, мой дорогой друг, как изменится будущее нашего предприятия! К лучшему, несомненно, к лучшему. Вы уже немолоды, но успели застать тот момент, когда ваше имя загремит во всех городах и останется в веках, о, не сомневайтесь, непременно останется! Такой прорыв! – громкий хохот директора пронёсся по всей комнате.

– Но...

– Да, я понимаю, ваше имя и сейчас знает каждый, даже если он никогда и не встречался с вашими творениями. Но я говорю о совсем другом уровне! Наше предприятие повысит своё влияние в политических кругах... – еле слышное, но настойчивое покашливание Александра Зайцева из Военного министерства заставило директора на мгновение прервать поток своих хвalebных слов в сторону профессора. В глазах Гордиенко промелькнуло что-то едва уловимое, так что Шаровского сразу и не разобрал, что это было. Да и вообще мало понимал, что вокруг него происходит, боль становилась нестерпимой, в ушах звенело, дышать становилось довольно сложно.

– Но что это я, всё болтаю и болтаю. У вас наверняка масса неотложных дел, так что не буду задерживать. Через месяц эта партия должна быть готова. Я имею в виду всю необходимую документацию и финальные тесты. За ними прибудет человек из Военного министерства. Верно, Александр? – тот ему ничего не ответил, даже не посмотрел в сторону директора, внимательно разглядывая арцефов.

– Месяц? – профессор Шаровский наконец-то обрёл голос. – Но это совершенно невозможно! Мы не успеем сократить годовую работу и уложиться в месяц!

– Не волнуйтесь профессор, у вас всё получится, с такой-то прекрасной командой. Кстати, в качестве дополнительной мотивации, сообщаю: если всё сложится удачно, то все повышенные затраты вам простятся, а на новую партию выделят все необходимые средства. Ну, разве не здорово?

– Да, но...

– Никаких «но», профессор. Даю вам шанс исправить прошлые ошибки, – директор Гордиенко стремительно двинулся к выходу. Александр Зайцев в последний раз окинул взглядом арцефов и последовал примеру директора. Шаровский, полностью разбитый и потерянный, совершенно не понимал ничего, чувствуя лишь, как к горлу подступает тошнота.

– Кстати, профессор, – директор остановился в дверях, чуть не сбив с ног Александра, но тот удачно отскочил в сторону. – Взяли бы вы отпуск за счёт предприятия, а то что-то

бледноватый у вас вид. Что думаете об искусственном небе «Райского оазиса»?

Шаровский, обернувшись к Гордиенко, успел запомнить только ехидную ухмылку директора, перед тем как в груди профессора что-то резко оборвалось, и он погрузился в темноту.